ISSN 2304-120X
КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал

Король Е. В. Словопроизводство как вербальный акт концептуализации действительности // Концепт. – 2016. – № 01 (январь). – ART 16013. – 0,4 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2016/16013.htm. – ISSN 2304-120X.

ART 16013 **УДК 81'373.611**

Король Елена Витальевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации БУ ВО «Сургутский государственный университет», г. Сургут
elena-korol@mail.ru

Словопроизводство как вербальный акт концептуализации действительности

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы взаимодействия процессов категоризации действительности посредством словообразовательных элементов и вербализации полученныго опыта в языке, взаимозависимость, взаимовлияние и универсальность названных процессов. Концептуальный анализ дериватов (в частности, на примерах русского, украинского, английского и немецкого языков) позволяет определить тенденции развития словообразовательных процессов и факторы, способствующие развитию деривативной модели или функциональности ее составляющих.*
Ключевые слова: *концептуализация действительности, концепт, структуры знания, словообразование, мотивирующая основа, агентивное значение.*
Раздел: *(05) филология; искусствоведение; культурология.*

Каждый лингвист, анализируя языковые явления, не должен и не может ограничиваться пределами только внутреннего строения языка, так как само его предназначение – репрезентировать человеческое сознание – представляет собой общественное явление и предполагает непрерывный обмен мыслями или идеями, который осуществляется в основном с помощью языка или другой знаковой системы. В процессе общественно-исторического существования, трудовой деятельности и связанных с ней форм общественной деятельности человек получает информацию, преломляет ее через призму своих потребностей и задач, т. е. он отражает условия внешнего мира, перерабатывая сложнейшую информацию в процессе предметной деятельности при непосредственном участии языка.

Так как объектом лингвистического исследования является языковой материал, нас интересует, прежде всего, то, в каком виде хранятся знания языка (или знания о действительности, вербализованные лингвистическими единицами) в мозгу говорящих и, в частности, какие именно единицы образуют запас или склад знаний – слова, морфемы или значения. К примеру, производная единица *писатель* – осознает ли человек значение данной единицы – из глагола *писать* и форманта *-тель*? Если да, то как быть с единицами, не имеющими столь прозрачной семантики, типа *нахлебник,* где сумма значений составляющих не дает адекватного представления о значении производного (вряд ли каждому носителю русского языка известен факт калькированного перевода греческого *parasitos,* где *para-* – приставка на-, вокруг и корень *sitos* – хлеб); или парой производных *домушник* и *надомник,* имеющих сходные производящие элементы, но различные значения, невыводимые к тому же из суммы значений их составляющих.

В работах по генеративной семантике проводится мысль о том, что слова не столько «записаны» в голове человека в виде готовых единиц, сколько конструируются по мере необходимости из определенных семантических признаков. Так, по мнению американских психологов, когда слова используются, они не репродуцируются памятью, а скорее реконструируются из составляющих эти слова признаков. У. Л. Чейф в работе «Память и вербализация прошлого опыта» предполагает, что поступившие в

наше сознание знания хранятся в виде «расчлененных эпизодов» [1]. Этот процесс «расчленения эпизода» является в значительной степени иерархическим. Начальный эпизод сначала разбивается на эпизоды довольно большие, они, в свою очередь, – на более мелкие. Разбивая большой эпизод на меньшие, человек делает это не произвольным образом – мы находимся под влиянием уже существующих в нашем мозгу определенных стереотипных моделей. Можно предположить, что такая форма сохранения данных вполне распространима и на языковые факты, т. е. вербальную информацию. Соответственно, можно сделать вывод, что каждое слово не только называет предмет или явление, но и выделяет его существенный признак, анализирует данный предмет. Мы можем не замечать этого в старых или заимствованных из других языков словах, но в новых, особенно производных словах это видно наиболее отчетливо. Обобщая предметы, слово как бы становится орудием абстракции, что, в свою очередь, является важнейшей операцией сознания. Поэтому, называя тот или иной предмет словом, мы соотносим его с определенной категорией. Вот, например, что передается словом *«белильщица»,* когда его называют. Корень слова *бел-* определяет признак, который однозначно указывает на его связь с цветом, следовательно, названный признак относит называемый предмет к категории явлений действительности, имеющих дело с цветом (*белый, белеть, белить*). Далее следует суффикс *-ил-*, который привносит новый признак в слово, соотнося его с другой лексической категорией. Этот признак дает нам референтное понятие орудийности, простейшего приспособления или материала для выполнения действия (ср. *мыло, кадило, светило, чернила, белила*). Итак, на данном этапе анализа мы уже имеем отнесенность к двум абсолютно несхожим категориям. Следующий элемент слова (суффикс *-щиц-*) имеет даже двойную референцию: к миру вещей и к миру языка. Первая вводит слово в категорию лиц (женщин), характеризующихся выполняемым занятием или ремеслом (*продавщица, мотальщица, ныряльщица, поденщица*), вторая накладывает осознание грамматической категории женского рода, что абсолютно необходимо при внесении слова в контекст. Подтверждение языковой референции мы находим и в последнем компоненте анализируемого слова – в окончании *-а*, которое также служит цели правильного внесения слова в контекст и, не меняя значения, способствует оформлению отношений называемого предмета к окружающей ситуации. В приведенном примере наличествует два типа категоризации – и лексическая (*бел – ил – щиц*), и грамматическая (*-щиц – а*). Семантическая структура производного *белильщица* достаточно прозрачна и легко выводится из значений его составляющих, что нельзя сказать о единицах *поденщица* или *надомница*. Здесь также присутствуют элементы, способствующие соотнесению их с названными грамматическими категориями, но лексическая категоризация более абстрагирована, и для выведения общего значения данных производных требуется нечто большее. Части *поден-* и *надом-* определяют способ или образ произведения действия и место его произведения соответственно, причем само действие – *работать* или *производить* что-либо – не называется, а опосредованно присутствует в акте категоризации, что определяется фоновыми знаниями явлений реальной действительности, всем предыдущим опытом, деятельностью человека.

Таким образом, называя предмет или, в нашем случае, агента действия, человек анализирует систему его связей в реальном мире и категории, к которым он относится. При этом сознание опирается на минимальные смыслы – концепты, которые позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом и языком категории и классы, что фиксируется вербально. При этом всегда надо учитывать и

возможность наличия синергетического аспекта, т. е. рождение новых дополнительных концептов, возникших в акте слияния двух исходных, наприме, как в случае с производными *зачинщик* и *зачинатель* или с нестандартными основами типа *надомник* и *домушник*; также в английских производных на *-er – fresher, outsider* и т. д. Человек не только отражает с их помощью содержание полученных знаний, опыта, результатов познания окружающего мира и своей деятельности, но и передает о них информацию в процессе общения в вербальной форме.

Сопоставим детально названные единицы. Слово *зачинатель* для носителя языка означает не только «тот, кто зачинает что-нибудь» [2], как в *зачинатель социалистического соревнования,* он знает больше, чем сообщается в самом слове. Знание когнитивной ситуации как результата познания внешнего мира, элемента опыта порождает целый пучок концептов, например таких как «первенство», «почет», «последователи». Именно этот когнитивный фон дает возможность различать слова *зачинатель* и *зачинщик*, «тот, кто подстрекает начать, начинает что-нибудь (неблаговидное)» – *зачинщик драки* [3]. Концепты «отрицательное действие», «неблаговидность», «наличие пострадавших» или «ущерб» не содержатся непосредственно в вербальной структуре единицы. Лексическое значение данных единиц представлено совершенно одинаковыми производящими основами *зачин-(ать)* и продуктивными формантами *-щик* и *-тель* со сходными словообразовательными значениями [4]. Именно наличие когнитивной базы, знание экстралингвистической ситуации и определенной структуры концептуальных полей, формирующих семантику названных лексических единиц, дает возможность их корректного употребления.

Для многих исследователей со времени издания работ Я. Фалька существительное с агентивным значением «агент/агенс, действователь, действующее лицо, деятель, производитель действия и т. д.» только тогда несет в себе агентивное начало, если оно активно воздействует на другой объект и указание на это действие содержится в семантике единицы [5]. Это высказывание может быть абсолютно справедливо для производных единиц, в основу которых положен глагол, называющий какое-либо действие: *водитель, наладчик, пахарь, колдун* (рус.); *довідник, угадько, співець, коваль* (укр.); *assistant, student, translator, player* (англ.); *Chiffreur, Appellant, Ausbilder* (нем.). Тем не менее под данное определение не могут подходить многочисленные производные, чья словообразовательная модель отлична от *V + формант* и где действие осознается носителем языка опосредованно через концептуальные представления, заложенные в семантической структуре производящей основы, такие как *плотник, конюх* (от сущ.), *надомник* (от сущ. + предл.), *полярник* (от прил.); *fresher* (от прил. *fresh*), *outsider* (от сущ. *side* и предл. *out*).

Рассмотрим концептуальную структуру ПС *воспитатель*. Толковый словарь С. И. Ожегова дает следующее определение: «*тот, кто воспитывает или воспитал к.-н.*» [6]. Это определение не только указывает инвариантное значение ПС, но также подчеркивает прозрачность его глагольной мотивации, из чего следует, что данное ПС образовано от глагола *воспитывать/воспитать* и суффикса *-тель*. С точки зрения когнитивной лингвистики каждая языковая единица репрезентирует некоторый фрагмент окружающего мира, который отражен в нашем сознании в виде определенных структур знания или концептов, следовательно, можно предположить, что мотивирующий глагол реализует набор следующих концептов: действие, его однонаправленность, процессуальность, наличие агенса и пациенса, их одушевленность, возрастное или социальное превосходство первого над вторым, стремление к положительному результату; *-тель* реализует имплицитно заложенный концепт агентивности

безотносительно к показателю одушевленности. В то же время мотивирующие глаголы для ПС *глушитель, удлинитель* не предполагают соотнесения агенса и пациенса с категорией одушевленности. Для рассмотренной модели очевидно, что значение одушевленности/неодушевленности концептуально имплицировано в глагольной форме. Конечно, можно предположить, что если значение морфемы формируется в процессе регулярного повторения производной модели, то таким же образом суффикс получает и концептуальную нагрузку одушевленности, динамики, признаковости. Это, безусловно, верно. Подтверждением этому процессу может служить факт расширения дистрибутивного признака того или иного форманта. Например, суффиксы *-ник и -щик/чик* образуют имена деятеля не только от глагольных основ (*поденщик, разнарядчик, нахлебник* и т. д.). Приобретенный концепт производителя действия восполняет отсутствие динамического аспекта субстантивной основы и задает направление поиска необходимых концептов, например, образование слова *пляжник* от существительного *пляж* (отлогий берег, удобный для купания и солнечных ванн [7]) очевидно. Приобретенный концепт производителя действия задает направление ментального поиска необходимой информации, в данном случае действий, производимых в описанном месте. Но отсюда также следует, что частое употребление этого форманта для образования наименований предметов будет приращивать дериватам концепт неодушевленности. По сути, происходит процесс наложения двух оппозиционных проявлений, что стимулирует постепенное стирание границ между ними (что очевидно в современном английском языке).

В акте коммуникации человеку свойственно использовать готовые клише, не задумываясь о том, как формируется значение того или иного слова и как оно определяется в словаре. Как уже отмечалось, слово есть реализация концепта или набора (пучка) концептов в языке. Например, отнесение к обсуждаемой категории отглагольных производных имен, таких как *писатель* (от *писать*), *продавец* (от *продавать*), *worker* (от *work – работать*), *translator* (от *translate – переводить*), *Maler* (от *malen – рисовать), Richter* (от *richten – судить), палій* (от *палити*), *винищувач* (от *винищувати*), не вызывает сомнения в силу прозрачности их значения, в сравнении с отсубстантивными или отадъективными производными, не говоря уж о производных, содержащих локативную характеристику в производящей основе (*надомник, подсолнечник, outsider* и т. д.), потому что отглагольные производные наследуют свойства концептуальных структур глагола и могут быть представлены в виде определенного набора концептов, таких как действие/состояние, изменения, наличие агенса/пациенса, цель, результат/продукт, способ и т. д., передаваемых непосредственно формантом деривации. Семантический потенциал основы в этом случае диктуется и определяется тем пучком минимальных смыслов, реализацией которых она является; такую же концептуальную основу имеет и словообразовательный формант. Разница лишь в количестве передаваемых «квантов» знания о мире. При таком подходе значение словообразовательного форманта реализует независимую от семантики мотивирующей основы сущность, а следовательно, не проявляет абсолютной зависимости значения и дает возможность его автономного рассмотрения.

Анализ вышеприведенных дериватов также выявляет еще один очевидный аспект – универсальность динамичного процесса, при котором расширение сочетаемости аффикса с мотивирующими основами стимулирует процесс развития новых значений аффиксов, т. е. наблюдается явление, описанное для славянских языков И. С. Улухановым: сочетаясь в старом значении с новой, семантически и морфологически отличной основой, аффикс может развить новые компоненты значения, сохраняя старые [8]. Эти новые компоненты возникают обычно под влиянием

семантики новой мотивирующей основы, в частности, именно благодаря частому сочетанию суффикса. Примером подобного развития значения можно назвать общеславянский суффикс *-ач*: ср. рус. *ткач, скрипач, тягач;* укр. *слухач, тлумач, штовхач* и *брюхач, фирмач, левач* (левый заработок) и т. д.

Подводя итог всему вышесказанному, повторим, что вне зависимости от типа картина мира есть результат особой когнитивной деятельности человека, способ познания мира. Вследствие бесконечности мира, а значит, и процесса познания их отдельные части находятся в постоянном движении, обновляясь, а иногда и кардинально меняясь, так как объективные знания о мире ограничены человеческими возможностями. Осмысление и кодирование познанных явлений действительности является продуктом речемыслительной деятельности человека, фиксируется в языке минимальными значимыми языковыми элементами, уже обладающими набором минимальных смыслов или концептов. В процессе означивания новой действительности в актах деривации происходит сращение уже существующих концептов и порождаются добавочные, которые, в свою очередь, могут передаваться аффиксом при изменении деривативной модели, что ведет к расширению и изменению всей деривативной базы языка.

Ссылки на источники

1. Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // НЗЛ. – М., 1983. – Вып. XII. – С. 35–73.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка (СРЯ) / под ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1987. – 797 с.
3. Там же.
4. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. (ТССЕ). – М.: Рус. яз., 1996. – 638 с.
5. Falk H. Die nomina agentis der altnordischen Sprache // Beitrage zur Geschichte der deutschen Sprache und Literature. – 1889. – Bd. 14. – S. 1–52.
6. Ожегов С. И. Указ. соч.
7. Там же.
8. Улуханов И. С. Состояние и перспективы развития исторического словообразования славянских языков // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: доклады российской делегации. – М.: Наука, 1993. – С. 232–248.

Elena Korol,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Chair of Linguistics and Crosscultural Communication, Surgut State University, Surgut
elena-korol@mail.ru

Wordbuilding as a verbal act of reality conceptualisation

Abstract. The paper observes some points of interaction of the process of reality categorisation and the past experience verbalisation by means of wordbuilding formants; their interdependence and mutual interference. The conceptual analysis of some derivatives (on the examples of Russian, Ukrainian, English and German languages) conduces to enlight some tendencies in wordbuilding and factors impacting the development of a derivational model and its functions.

Key words: reality conceptualisation, concept, knowledge-bearing construct, wordbuilding, motivating base, agent.

References

1. Chejf, U. L. (1983). *Pamjat' i verbalizacija proshlogo opyta*, NZL, Moscow, vyp. XII, pp. 35–73 (in Russian).
2. Ozhegov, S. I. & Shvedova, N. Ju. (ed.) (1987). *Slovar' russkogo jazyka (SRJa)*, AN SSSR 18-e izd., stereotip., Rus. jaz., Moscow, 797 p. (in Russian).
3. Ibid.
4. Efremova, T. F. (1996). Tolkovyj slovar' slovoobrazovatel'nyh edinic russkogo jazyka (TSSE), Rus. jaz., Moscow, 638 p. (in Russian).
5. Falk, H. (1889). “Die nomina agentis der altnordischen Sprache”, *Beitrage zur Geschichte der deutschen Sprache und Literature*, Bd. 14, pp. 1–52 (in German).
6. Ozhegov, S. I. & Shvedova, N. Ju. (ed.) (1987). Op. cit.

7. Ibid.
8. Uluhanov, I. S. (1993). “Sostojanie i perspektivy razvitija istoricheskogo slovoobrazovanija slavjanskih jazykov”, *Slavjanskoe jazykoznanie. XI Mezhdunarodnyj s#ezd slavistov: doklady rossijskoj delegacii*, Nauka, Moscow, pp. 232–248 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:
Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

ISSN 2304-120X
www.e-koncept.ru

Поступила в редакцию *Received*	03.11.15	Получена положительная рецензия *Received a positive review*	07.11.15
Принята к публикации *Accepted for publication*	07.11.15	Опубликована *Published*	29.01.16

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2016
© Король Е. В., 2016